

змирився з законами і прагне їм підкоритись, навіть якщо їх використовують неправильно. Отже, це два різні зображення однієї особистості, проте перша – це реальність, а друга – лише міф.

Діалоги «Бенкет» та «Федр» настільки сповнені різного роду риторичним, літературним, філософським та художнім змістом, що їх ретельний аналіз вимагає більшого розглядання. Як зауважує А. Лосєв, абстрактна логіка захована в зрілого Платона під покровом міфолого-поетичних і символічних образів.

Аналіз діалогів Платона дозволяє виявити характеристики, що відображають сутність діалогу [10, с. 55]:

- єдина для учасників мета – пізнання істини, одержання нового знання щодо предмета обговорення;
- умови успішності – рівність партнерів (спілкування на основі суб'єктивної взаємодії);
- емоційна включеність тих, хто спілкується взаємопроникнення та взаєморозуміння особистісних смислів суб'єктів діалогу, співтворчість;
- результат – перетворення особистих точок зору взаємодіючих суб'єктів й отримання нового знання, відкриття нових сенсів.

Платон уважав живу бесіду витокком мудрості, а поганого співрозмовника порівнював із німими книгами, які не вміють «відповідати на запитання» і «не в змозі ні відповісти ні запитати».

З цих ознак можна зробити висновок про те, що у діалозі знаходять відображення принципи, що зумовлюють гуманістичний характер спілкування.

Отже, античний тип діалогічності народився і розвивався під впливом таких визначальних для тієї доби категорій, як «космос», «хаос» і «гармонія».

Райхерт К.В.

кандидат философских наук, доцент,

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

ОТ «ALLGEMEINE SYSTEMLEHRE»

К «ALLGEMEINE SYSTEMTHEORIE» Л. ФОН БЕРТАЛАНФИ

Автором термина «общая теория систем» по праву считается австро-американский философ и биолог Людвиг фон Берталанфи (1901-1972). Между тем, история этого термина в рамках истории развития идей самого Берталанфи не так проста.

Первоначально Л. фон Берталанфи использовал термин «allgemeine Systemlehre», который буквально можно перевести на русский язык, как «Всеобщее учение о системе». Впервые словосочетание «allgemeine Systemlehre» прозвучало на философском семинаре, организованном Чарльзом Уильямом Моррисом в Чикагском университете в конце 1937 года [1, с. 68]. Однако сам проект Всеобщего учения о системе был изложен в 1940-е годы в двух работах: «Zu einer allgemeinen Systemlehre» («К всеобщему учению о системе», 1945) [5-6] и «Vom Sinn und der Einheit der Naturwissenschaften. Aus einem Vortrag von Prof. Dr. Ludwig von Bertalanffy» («О значении и единстве естественной науки. Из лекции профессора доктора Людвиг фон Берталанфи»,

1947) [4]. Последняя была опубликована на английском языке, как приложение к книге Л. фон Берталанфи «General System Theory: Foundations. Development. Application» ('Общая системная теория: основания, развитие, приложение', 1968) [3].

Л. фон Берталанфи ставит вопрос о значении и назначении естественных наук и их единстве. Чтобы ответить на этот вопрос, Берталанфи начинает с противопоставления природы и культуры через противопоставление животного и человека: «В противоположность животному, у которого есть «окружающая среда», обусловленная своей организацией, человек сам создаёт свой мир, который мы называем «человеческой культурой»» [3, p. 257]. Возникновение «человеческой культуры», по Берталанфи, есть результат эволюции человека под влиянием двух факторов: 1) языка и 2) образования понятий. ««Язык» как призыв или команду можно наблюдать в животном мире; примерами этого могут служить пение птиц, предупреждающий свист горной серны и т. п. Язык как репрезентация и коммуникация фактов, однако, есть человеческая монополия. Язык, в широком смысле этого слова, включает в себя не только устную речь, но и письменность, и символическую систему математики» [3, p. 257-258]. Согласно Берталанфи, такого рода системы являются «не наследуемыми, а свободно созданными (freely created) и традиционными символами» [3, p. 258]. Такая позиция позволяет сделать, как минимум, две важные вещи. Во-первых, объяснить, в чём заключается особенность человеческой истории по отношению к биологической эволюции, а именно: в традиции, которая противопоставляется наследственным мутациям. Во-вторых, животное поведение формируется так сказать «методом проб и ошибок», то есть за счёт непосредственного опыта, в то время, когда поведение человека может формироваться за счёт так называемого «мысленного экспериментирования», то есть с использованием понятийных символов. Только о человеческом поведении можно говорить как об осознанном, целенаправленном поведении, поведении, обусловленном ценностями и соглашениями (конвенциями).

В связи с этими двумя обозначенными вещами, по Берталанфи, становится возможным говорить, что в отличие от биологической эволюции, которая представляет собой простую борьбу за выживание организмов, человеческая история есть борьба идеологий, то есть символизмов. Наука представляет собой идеологию и символизм. Это позволяет Берталанфи полагать, что от того, каким будет курс мировой науки, зависит, какой будет судьба всего человечества [3, p. 258-259]. Это в свою очередь заставляет задуматься о «единстве науки» (Unity of Science). Как же решить вопрос о «единстве науки»? Берталанфи отвечает, что необходимо создать «новую область в науке, которую он называет «всеобщим учением о системе»» [3, p. 259]. Саму эту область в науке Берталанфи характеризует как логико-математическую область, «чьей задачей является формулирование и выведение тех общих принципов, которые приложимы к «системам» в целом. В таком случае точная формулировка понятий, таких как «целостность» и «сумма», «дифференцирование», «прогрессивная механизация», «централизация», «иерархический порядок», «завершённость» и «эквивинальность», понятий, которые встречаются во всех науках, имеющих дело с «системами», и предполагают их логическую гомологию, станет возможной» [3, p. 259].

Сказанное можно обобщить следующим образом: науки суть символические системы, то есть системы свободно созданных и традиционных символов. Единства между науками как символическими системами можно достичь, только создав новую область в науке, а именно – всеобщее учение о системе. Всеобщее учение о системе должно определить общие принципы, приложимые к системам в целом. Определение общих системных принципов позволит установить логическую гомологию (изоморфизм) между системами, а значит, между науками. Таким образом, всеобщее учение о системе должно стать логико-математической методологией наук.

В 1950 году работа «Zu einer allgemeinen Systemlehre» была переведена на английский язык как «An Outline of General System Theory» («Очерк общей системной теории») [2]. По воле переводчиков «allgemeine Systemlehre» «Всеобщее учение о системе» превратилось в «General System Theory» «Общая системная теория», что вызвало сопротивление у самого Берталанди: некоторое время он полагал, что «Lehre» «учение» никак нельзя перевести, как «Theory» «теория»; здесь лучше бы подошли английские слова «doctrine» и «teaching».

Основной причиной, почему Л. фон Берталанди не хотел признавать allgemeine Systemlehre теорией, было то, что он хотел её отграничить от традиционных дисциплинарных теорий в науке, которые обладают строго ограниченными задачами, объектом исследования и методами исследования. Allgemeine Systemlehre, напротив, предназначалось быть учением о гомологиях (изоморфизмах), которые являются характеристиками организации «целостностей» – систем – где бы они не появлялись – в сфере физико-химических наук, наук о жизни, социальных наук или гуманитарных наук. Вследствие этого allgemeine Systemlehre, будучи учением об общих принципах построения систем, должна была рассматриваться как метатеория, которая должна была унифицировать и объединить различные дисциплины, а также мировоззрения, – то есть стать новой парадигмой для всех естественных и гуманитарных наук. Здесь сказывался тот факт, что Л. фон Берталанди находился под сильным влиянием философии жизни (особенно в лице Освальда Шпенглера) и неокантианства (особенно в лице научного руководителя его докторской диссертации Роберта Райнингера). Поэтому allgemeine Systemlehre Берталанди должна была включать в себя также аксиологию, символизм (учение о символах, аналог семиотики) и культурологию.

Тем не менее, в 1955 году под влиянием соучредителей «Society for the Advancement of General Systems Theory» («Общества продвижения общей теории систем») – Кеннета Э. Боулдинга, Ральфа У. Джерарда и Анатоля Рапопорта Л. фон Берталанди смирился с тем, что allgemeine Systemlehre рассматривается как теория, а также стал использовать наравне с «General System Theory» «Общая системная теория» «General Systems Theory» «Общая теория систем». Вот эти два «General System Theory» и «General Systems Theory» в ходе перевода на немецкий язык работ, написанных Л. фон Берталанди после 1955 года, превратились в «allgemeine Systemtheorie» «(все)общую теорию систем».

Таким образом, история термина «общая теория систем» в рамках истории развития идей Л. фон Берталанди представляет собой определённую цепочку сменяющих друг друга словесных обозначений общей теории систем: allgemeine Systemlehre → General System Theory → General Systems Theory → allgemeine Systemtheorie.

Список использованных источников:

1. Райхерт К. В. Реконструкція критики проекту загальної теорії систем Л. фон Берталанфі з боку Ч. В. Мориса / Костянтин Вільгельмович Райхерт // Філософська думка. – 2013. – № 6. – С. 68-75.
2. Bertalanffy L. von. An Outline of General System Theory / Ludwig von Bertalanffy // British Journal of the Philosophy of Science. – 1950. – № 1. – P. 139-164.
3. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations. Development. Application / Ludwig von Bertalanffy. – Revised 17th Edition. – New York: George Braziller, 2009. – XXIV+296 p.
4. Bertalanffy L. von. Vom Sinn und der Einheit der Naturwissenschaften. Aus einem Vortrag von Prof. Dr. Ludwig von Bertalanffy / Ludwig von Bertalanffy // Student (Wien). – 1947. – № 7/8. – S. 10-11.
5. Bertalanffy L. von. Zu einer allgemeinen Systemlehre / Ludwig von Bertalanffy // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. – Band 18. – 1945. – № ¾.
6. Bertalanffy L. von. Zu einer allgemeinen Systemlehre / Ludwig von Bertalanffy // Biologia Generalis. – 1949. – № XIX. – S. 114-129.